

Таким образом, можно сделать вывод о развитии правового регулирования отношений по поводу домашних животных, о значительном разнообразии отношений по их поводу, для надлежащего осуществления которых требуется регистрация. Именно с таких позиций следует говорить о данной процедуре в настоящий момент.

Список использованной литературы

1. Мейер Д. И. Русское гражданское право. Ч. 1 / Д. И. Мейер. – Москва : Статут, 1997. – 286 с.
2. Щенникова Л. В. Вещные права в гражданском праве России / Л. В. Щенникова. – Москва : Бек, 1996. – 186 с.
3. Комментарий к ГК РФ. Ч. 1. Постат., расширен. с испол.суд.-арб. практи. / руковод. авт. кол. и отв. ред. О. Н. Садилов. – Москва : ИНФРА-М, 1999. – 777 с.

Информация об авторе

Безик Нина Вадимовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: NVBezik@yandex.ru.

Author

Bezik Nina V. – PhD in Law, Associate Professor of Civil Law Department, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: NVBezik@yandex.ru.

УДК 347.51

Е. Г. Белькова

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Рассматриваются подходы к определению субъектов гражданской ответственности за результаты деятельности с использованием технологий искусственного интеллекта. Отмечается, что технологии искусственного интеллекта являются результатом творческой деятельности, интеллектуальной собственностью. Обосновывается, что технологии искусственного интеллекта не имеют правосубъектности, не обладают способностью нести гражданскую ответственность.

Ключевые слова: технологии искусственного интеллекта; гражданская ответственность; источник повышенной опасности; правосубъектность.

CIVIL LIABILITY FOR THE RESULTS OF ACTIVITIES USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY

Approaches to determining subjects of civil liability for the results of activities using artificial intelligence technologies are considered. It is noted that artificial intelligence technologies are the result of creative activity and intellectual property. It is substantiated that artificial intelligence technologies do not have legal personality and do not have the ability to bear civil liability.

Keywords: artificial intelligence technologies; civil responsibility; source of increased danger; legal personality.

Стремительное появление новых общественных отношений, субъектов права и объектов требует динамичного развития правового регулирования. Широкое использование технологий искусственного интеллекта в промышленности, медицине, образовании порождает многочисленные правовые вопросы, которые вызывают острую научную полемику. К таким относится и вопрос об ответственности за результаты деятельности с использованием технологий искусственного интеллекта.

Исходя из позитивного и негативного аспектов реализации ответственности, ее регулятивного и охранительного характера, Д. А. Липинский определяет юридическую ответственность как нормативную, гарантированную и обеспеченную государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическую обязанность соблюдения и исполнения требований норм права, использования правомочий в соответствии с их целевым предназначением. Эти правомочия осуществляются в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством. А в случае нарушения субъект обязан претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера [1, с. 35]. Д. А. Липинский критикует деление юридической ответственности на публичную и частную, обосновывая свой вывод едиными характерными признаками юридической ответственности. Вместе с тем специфика ответственности в различных отраслях права объясняется объективными различиями. В. В. Ровный отмечает, что существо гражданской ответственности необходимо искать в ней самой, в цивилистической сфере, определяемой спецификой регулируемых общественных отношений и особенностями их регулирования [2, с. 216].

Выделяют следующие характерные признаки гражданско-правовой ответственности.

Во-первых, имущественный характер гражданско-правовой ответственности.

Во-вторых, гражданско-правовая ответственность – это ответственность одного субъекта гражданского права перед другим субъектом, которые равноправны и автономны.

В-третьих, размер гражданской (имущественной) ответственности соответствует размеру причиненного вреда или убытков.

В-четвертых, к различным участникам гражданского оборота за однотипные правонарушения применяются равные по объему меры ответственности. Хотя в отдельных случаях в ГК РФ предусмотрены отступления от принципа равной ответственности участников гражданского оборота [3, с. 609–613].

Гражданская ответственность – это отрицательные имущественные последствия для нарушителя в виде лишения субъективных гражданских прав, возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей. Это дополнительное обременение, новый имущественный урон для субъекта гражданских отношений [4, с. 144].

Действующее гражданское законодательство не определяет какой субъект должен нести бремя ответственности за результаты деятельности с использованием технологий искусственного интеллекта. Понятие искусственного интеллекта не включено в ГК РФ. В связи с этим в доктрине высказываются различные предложения по определению правового режима искусственного интеллекта или наделения его правосубъектностью.

В соответствии с Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», которым утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., поставлена задача разработки правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с использованием технологий искусственного интеллекта. В. К. Андреев подчеркивает, что исследования в области искусственного интеллекта развиваются по двум направлениям. Первое – это логическое, занимающееся созданием прикладного искусственного интеллекта. Второе – нейрокибернетическое, направленное на создание универсального интеллекта, способного решать любые интеллектуальные задачи (по сути, аналога человеческого мозга) [5,

с. 59–60]. П. М. Морхат определяет искусственный интеллект как полностью или частично автономную самоорганизующуюся компьютерно-аппаратно-программную виртуальную или киберфизическую, в том числе биокибернетическую, систему, наделенную/обладающую способностями и возможностями мыслить, самоорганизовываться, обучаться, самостоятельно принимать решения и т. д. [6, с. 69].

Оценивая способность технологий искусственного интеллекта самостоятельно принимать решения, некоторые ученые предлагают наделить искусственный интеллект правосубъектностью, а значит и признать субъектом ответственности. Другие правоведы рассматривают технологии искусственного интеллекта как объект права и, соответственно, предлагают включить искусственный интеллект в перечень объектов гражданских прав, названных в ст. 128 ГК РФ. Анализируя доводы оппонентов, логично вернуться к пониманию ответственности. Ответственность образовалась ввиду нормативности как явление общественного прогресса, а, с другой стороны, опосредовалась психикой субъекта и материализовалась в рамках взаимодействия людей друг с другом, т.е. в общественных отношениях [7, с. 8].

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта закреплены следующие принципы:

– защита прав и свобод человека: обеспечение защиты гарантированных российским и международным законодательством прав и свобод человека, в том числе права на труд, и предоставление гражданам возможности получать знания и приобретать навыки для успешной адаптации к условиям цифровой экономики;

– безопасность: недопустимость использования искусственного интеллекта в целях умышленного причинения вреда гражданам и юридическим лицам, а также предупреждение и минимизация рисков возникновения негативных последствий использования технологий искусственного интеллекта;

– прозрачность: объяснимость работы искусственного интеллекта и процесса достижения им результатов, недискриминационный доступ пользования продуктами, которые созданы с использованием технологий искусственного интеллекта, к информации о применяемых в этих продуктах алгоритмах работы искусственного интеллекта;

– технологический суверенитет: обеспечение необходимого уровня самостоятельности Российской Федерации в области искусственного интеллекта, в том числе посредством преимущественного использования отечественных технологий искусственного интеллекта

и технологических решений, разработанных на основе искусственного интеллекта;

– целостность инновационного цикла: обеспечение тесного взаимодействия научных исследований и разработок в области искусственного интеллекта с реальным сектором экономики;

– разумная бережливость: осуществление и адаптация в приоритетном порядке существующих мер, направленных на реализацию государственной политики в научно-технической и других областях;

– поддержка конкуренции: развитие рыночных отношений и недопустимость действий, направленных на ограничение конкуренции между российскими организациями, осуществляющими деятельность в области искусственного интеллекта.

Таким образом развитие правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с использованием технологий искусственного интеллекта, должно исходить из названных принципов в целях научно-технического развития общества, обеспечивая законные интересы и права граждан и юридических лиц. Использование новых технологий должно быть безопасным, а в случае причинения вреда гражданам или юридическим лицам причиненный вред подлежит возмещению. Обращает на себя внимание представление о гражданском обороте на основе цифровых технологий В. К. Андреева. Ученый полагает, что следует отказаться от традиционного понимания гражданского правоотношения, так как его элементы – субъекты права, объекты права и содержание, права и обязанности участников получают специфическое закрепление в информационной системе. Грани, отражающие суть, между элементами правоотношения стираются. Появляется оператор информационной системы, действующий на основе договора оказания услуг по предоставлению информации участникам информационной системы [5, с. 63–64]. Однако новая парадигма приходит на смену устаревшей, когда она разработана, теоретически обоснована и апробирована.

Технологии искусственного интеллекта являются результатом творческой деятельности человека, т. е. относятся к объектам интеллектуальной собственности. Однако в части IV ГК РФ, посвященной интеллектуальной собственности, технологии искусственного интеллекта не получили закрепления и правового регулирования.

Интересным представляется определение перспективы развития правового регулирования общественных отношений, связанных

с робототехникой и искусственным интеллектом, предложенное В. А. Лаптевым. Ученый полагает, что в ближайшей перспективе законодателю следует исходить из того, что роботы с искусственным интеллектом являются объектом прав закрепленных в законе субъектов – физических и юридических лиц. В среднесрочной перспективе роботы приобретут правосубъектность, станут участниками общественных отношений и, соответственно, будут нести самостоятельно ответственность. В долгосрочной перспективе у искусственного интеллекта будет правосубъектность в виртуальном (цифровом) пространстве в отрыве от материального мира. И в этом случае воспитательная и предупредительная функции ответственности уйдут на второй план, а регулятивную и охранительную функции станет выполнять киберфизическая юридическая ответственность [8, с. 99].

В связи с таким подходом приведем высказывание Ж. Абдильдина: «Конкретная история предмета есть данный предмет, расположенный во времени. Рассматривая объект конкретно-исторически, в процессе возникновения и развития, реально можно получить теорию, понимание внутренней взаимосвязи предметов и явлений» [9, с. 306].

На современном этапе перед наукой гражданского права стоит задача разработать теорию искусственного интеллекта, исходя из его понимания как объекта общественных отношений, определить права и обязанности субъектов в отношении технологий искусственного интеллекта, установить условия ответственности за деятельность с использованием робототехники с искусственным интеллектом.

В отношении впервые созданной технологии искусственного интеллекта права и обязанности возникают у создателя, разработчика. Созданная технология может явиться результатом служебного задания, быть разработанной по государственному заказу или заказу иных субъектов, передана по лицензионному договору или договору об отчуждении исключительного права. Поэтому именно владелец технологии искусственного интеллекта, осуществляющий ее использования, и должен нести ответственность за результаты этого использования, в том числе за вред, который может быть причинен физическим и юридическим лицам. Субъектом ответственности выступает собственник, субъект, имеющий право хозяйственного ведения, право оперативного управления объектом, или титульный владелец. Условия гражданско-правовой ответственности определяются в зависимости от квалификации объекта и правового статуса субъекта ответ-

ственности. Робототехника с искусственным интеллектом часто имеет признаки источника повышенной опасности.

В науке гражданского права разработаны две теории источника повышенной опасности – теория «деятельности» и теория «объекта». Сторонники теории «деятельности» отождествляют источник повышенной опасности с деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Ученые, отстаивающие теорию «объекта», полагают, что источником повышенной опасности являются объекты материального мира, т. е. опасные вещи. Вероятный вред обусловлен свойствами таких объектов, когда соприкосновение с ними может причинить вред окружающим. Некоторые авторы определяют источник повышенной опасности, используя обе категории и «деятельность», и «объект».

Название ст. 1079 ГК РФ «Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих», казалось бы, завершило научную полемику. В соответствии со ст. 1079 ГК РФ юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т. п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности. Из содержания статьи закона явствует, что законодатель, предусматривая ответственность за причиненный вред, указывает и на деятельность (ее конкретные виды), и на объекты, использование которых может создавать опасность для окружающих. Поэтому представляется, что, с одной стороны, простое объединение «деятельности» и «объекта» не допустимо, с другой стороны, понять, что является источником повышенной опасности, не используя одновременно категории «деятельность» и «объект» невозможно. Это объясняется тем, что вред причиняется объектом материального мира, в силу присущих ему опасных свойств, но при этом причиняется в процессе его эксплуатации, процессе деятельности, которая создает повышенную опасность для окружающих. Следует согласиться с выводом В. М. Болдинова о том, что словосочетания «вред причинен опасной деятельностью» и «вред причинен опасным предметом» могут употребляться равнозначно [10, с. 18]. Независимо от того какой концептуальный подход к пониманию источника повышенной опасности поддерживают ученые, большинство соли-

дарно в выделении обязательного признака, присущего источнику повышенной опасности – невозможность полной подконтрольности человеку. Так, О. А. Красавчиков отмечал, что предметы материального мира (использование которых подчинено целенаправленной деятельности людей), не утрачивают и никогда не утратят своей зависимости от законов природы (физических, химических и т. п.), и в этом заключается противоречие между человеком и природой, которое и составляет сущность источника повышенной опасности [11, с. 118]. Е. А. Флейшиц под источником повышенной опасности понимала свойства вещей или силы природы, которые при достигнутом уровне развития техники не поддаются полностью контролю человека, а не находясь полностью под контролем, создают высокую степень вероятности причинения вреда жизни, здоровью человека либо материальным благам [12, с. 132].

Технологии искусственного интеллекта, будучи результатом деятельности человека, не находят места во многих существующих классификациях источников повышенной опасности, позволяющих выделить их значимые характеристики. Вместе с тем, обладая возможностью самоорганизации, самостоятельного принятия решения, в ряде случаев самостоятельного взаимодействия с человеком, технологии искусственного интеллекта могут быть непредсказуемы и неподконтрольны человеку. Установление характерного для источника повышенной опасности признака и квалификация в качестве источника повышенной опасности конкретной технологии искусственного интеллекта задача суда, возможно с помощью эксперта.

Оценивая деятельность, связанную с использованием технологий с искусственным интеллектом, следует руководствоваться «законами робототехники» А. Азимова:

– действия (бездействия) робота не могут и не должны вредить человеку:

– робот должен подчиняться командам человека, за исключением случаев, когда команды нарушают первый закон;

– робот должен заботиться о своей безопасности в пределах первого и второго законов [8, с. 89].

Обязанность возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, возлагается на владельца без учета его вины. Владелец источника повышенной опасности освобождается от обязанности возместить вред, если докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

Условием освобождения владельца источника повышенной опасности от гражданской ответственности являются обстоятельства, когда источник повышенной опасности выбыл из обладания владельца в результате противоправных действий других лиц. В этом случае ответственность по возмещению причиненного вреда несут лица, противоправно завладевшие источником повышенной опасности. Однако есть исключение, которое действует, когда установлена вина владельца источника повышенной опасности в противоправном изъятии этого источника из его обладания. В таком случае ответственность может быть возложена как на владельца, так и на лицо, противоправно завладевшее источником повышенной опасности.

Если технологии искусственного интеллекта не будут квалифицированы в качестве источника повышенной опасности, гражданская ответственность наступает на общих основаниях, то есть для возложения на субъект ответственности, должна быть не опровергнута его вина.

В науке гражданского права в отношении такого условия наступления ответственности как вина идет давняя научная полемика. Понятие вины разработано наукой уголовного права. Под виной понимают психическое отношение лица к содеянному и его последствиям. В цивилистике многие ученые поддерживают такое понимание вины, являясь сторонниками «психологического» понимания вины. Гражданское законодательство не содержит определения понятия вины. Вместе с тем в ГК РФ закреплено понятие невинности. Так, абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ установлено, что лицо признается невинным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась, по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства. Толкуя объективные признаки невинности, ученые выработали и понимание вины в гражданском праве как не проявление должной степени заботливости и осмотрительности, какая требовалась от лица, по характеру обязательства и условиям оборота для надлежащего исполнения обязательств.

Не вдаваясь в существо этой научной дискуссии, попытаемся в качестве субъекта гражданско-правовой ответственности представить робота с искусственным интеллектом.

В ответственности, на каких бы условиях она не наступала, в предпринимательском риске, в вине как условии ответственности всегда заложено психическое отношение физического лица к поведе-

нию (действию или бездействию) и его результату (последствиям). Нормативные требования воздействуют на психику субъектов в процессе их социализации. В свою очередь, это формирует у субъектов побудительные мотивы и внутреннее отношение, которое затем опредмечивается в их практической деятельности [7, с. 7]. Общеизвестно, что психология [от др.-греч.] – душа, и психология – это наука о человеке, группах людей. Поэтому не представляется возможным рассматривать технологии искусственного интеллекта с позиции учения о правосубъектности физических лиц.

В гражданском праве масштабно разработаны теории правосубъектности юридического лица. Однако и различные по сути теории юридического лица, и действующее гражданское законодательство показывает, что о деятельности юридического лица и результатах этой деятельности судят по деятельности физических лиц, выполняющих функции, возложенные или принятые на себя юридическим лицом, в том числе в случае, когда конкретные физические лица входят в коллегиальный орган юридического лица.

Другим аспектом проблемы является возможность робота с искусственным интеллектом нести имущественную ответственность. Физические лица имеют собственность, доходы, имущественные права, за счет чего могут нести имущественную ответственность. Сущностным признаком юридического лица является наличие обособленного имущества, которым юридическое лицо отвечает по своим обязательствам. Юридическое лицо несет самостоятельную имущественную ответственность.

В. А. Лаптев, отмечая парадоксальность ситуации, пишет, что на практике признаки субъекта предпринимательства могут быть у промышленного AI-робота. Робот может иметь регистрацию (например, в Ростехнадзоре) и учетный номер; обладать хозяйственной компетенцией, соответствующей целям его деятельности; обладать имущественной базой; сам робот представляет имущественную ценность; его можно привлечь к юридической ответственности (например, в виде принудительного отключения, доработки программы и крайней мере ответственности – утилизации [8, с. 88]. Правосубъектность предпринимателей определена ГК РФ. Предприниматели обладают специальной правоспособностью и как все субъекты гражданского права несут самостоятельно имущественную ответственность.

И еще один аспект, это равенство участников гражданских правоотношений. Гражданское законодательство содержит нормы, обес-

печивающие поддержку слабой стороны гражданского правоотношения, чтобы юридическое равенство сторон сохранялось. Участники гражданских правоотношений несут имущественную ответственность друг перед другом. В определенных случаях названы лица, на которые возложена субсидиарная ответственность с целью обеспечения восстановления нарушенного права. Участники гражданских правоотношений выступают на равных началах с другими участниками – гражданами, юридическими лицами, публичными образованиями.

Теория правосубъектности в гражданском праве содержит правовые категории правоспособности и дееспособности. Гражданская правоспособность как способность иметь гражданские права и нести обязанности, и гражданская дееспособность как способность своими действиями приобретать гражданские права и создавать для себя гражданские обязанности, а также осуществлять приобретенные гражданские права и исполнять созданные гражданские обязанности. Граждане и юридические лица приобретают и осуществляют гражданские права своей волей и в своем интересе. Действительно граждане приобретают такие способности действовать самостоятельно по мере взросления, но их правосубъектность обеспечивается, а позже дополняется участием в гражданских правоотношениях законных представителей.

Выделение в правоотношении самостоятельных объекта и субъектов позволяет разработать или усовершенствовать правовое регулирование общественных отношений, определяя правовое положение субъектов и правовой режим объекта. Следует согласиться с высказанными в юридической литературе суждениями по поводу известных истории фактов, когда объекты права переходили в разряд субъектов, например, при отмене рабства. Только в этом случае речь идет о правовом решении признания равенства людей между собой. Для признания совокупности робота и искусственного интеллекта в качестве робото-разумного субъекта права (*robo-sapiens*) в настоящее время нет никаких предпосылок. Достижения научно-технического прогресса должны служить человеку, обществу. Технологии искусственного интеллекта являются объектом гражданских прав. Действующие нормы гражданского кодекса во многих случаях применимы к отношениям, связанным с использованием технологий искусственного интеллекта, и эти технологии следует включить в перечень объектов гражданских прав. В связи с появлением новых объектов гражданских прав, имеющих решающее зна-

чение для всех сфер экономики, необходимо как обогащение науки гражданского права новыми теориями, так развитие гражданского законодательства.

Технологии искусственного интеллекта являются результатом творческой деятельности, интеллектуальной собственностью. Робототехнику с искусственным интеллектом следует включить в перечень объектов интеллектуальной собственности в ч. IV ГК РФ, на законодательном уровне определить правовой режим технологий с искусственным интеллектом.

Гражданскую ответственность за результаты деятельности с использованием технологий искусственного интеллекта несет владелец этих технологий.

Технологии искусственного интеллекта могут иметь признаки источника повышенной опасности, если в процессе их использования не поддаются непрерывному и полному контролю со стороны человека. В этом случае гражданская ответственность наступает на основе ст. 1079 ГК РФ за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих.

Технологии искусственного интеллекта не имеют правосубъектности, не обладают способностью нести гражданскую ответственность.

Список использованной литературы

1. Липинский Д. А. Макроуровень института юридической ответственности / Д. А. Липинский // Право. – 2019. – № 1. – С. 25–44.
2. Ровный В. В. Проблемы единства российского частного права / В. В. Ровный. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1999. – 310 с.
3. Брагинский М. И. Договорное право. Кн. 1. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – Москва : Статут, 2003. – 848 с.
4. Иоффе О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. II / О. С. Иоффе. – Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1978. – 174 с.
5. Андреев В. К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта / В. К. Андреев // Журнал российского права. – 2020. – № 3. – С. 58–68.
6. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд / П. М. Морхат. – Москва : Буки Веди, 2017. – 257 с.
7. Малько А. В. Юридическая ответственность как средство предупреждения правонарушений: актуальные проблемы / А. В. Малько, Д. А. Липинский, Р. С. Маркунин // Право. – 2020. – № 4. – С. 4–24.
8. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность / В. А. Лаптев // Право. – 2019. – № 2. – С. 79–102.

9. Абдильдин Ж. Проблема начала в теоретическом познании / Ж. Абдильдин ; АН Каз.ССР. Ин-тут философии и права. – Алма-Ата : Наука, 1967. – 366 с.

10. Болдинов В. М. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности / В. М. Болдинов. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. – 372 с.

11. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности / О. А. Красавчиков. – Москва : Юрид. лит., 1966. – 200 с.

12. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения / Е. А. Флейшиц. – Москва : Гос. изд-во юрид. лит., 1951. – 239 с.

Информация об авторе

Белькова Елена Геннадьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: BelkovaEG@bgu.ru.

Author

Belkova Elena G. – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Civil Law and Procedure Department, Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: BelkovaEG@bgu.ru.

УДК 347.121

Г. А. Вакулина

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ

В статье определен и рассмотрен круг отдельных проблем, связанных с функционированием цифровых финансовых активов. Отмечены особенности выпуска, учета и обращения цифровых финансовых активов. Сделан вывод о том, что юридические факты, лежащие в основании возникновения денежных требований по цифровым финансовым активам, могут быть различны в зависимости от того, какие эмиссионные ценные бумаги подлежат эмиссии в виде цифрового финансового актива. Рассмотрены меры охраны прав и законных интересов приобретателей цифровых финансовых активов, предусмотренные законом и правилами Банка России. Затрагивается проблема защиты правообладателей цифровых финансовых активов. Сделан вывод о том, что поскольку цифровые финансовые активы фактически не являются новым объектом гражданских прав, а представляют цифровой способ фиксации обязательственных, корпоративных прав, их защита должна осуществляться с учетом юридических особенностей и вида соответствующего субъективного права.